

Cogito, ergo sum¹.

Рене Декарт

1

Прибытие

Картинка реальности проступала медленно, на-
ползая клочками с периферии взора к центру,
туда, где желтое пятно² дает максимальную
четкость. Фрагменты склеивались в оплывший шар,
похожий на подтаявший в теплых руках снежок, за-
крывая собой идиллические пейзажи виртуальной
реальности. С сетчаткой в виртуальности никто не
советовался, ее безжалостно обманывали, отправляя
картинки прямо в зрительную область коры. Человек
есть мозг, все остальное — лишь придатки, помогаю-
щие сносно существовать. Только разум, обитающий
где-то среди синапсов серого вещества, делает чело-
века человеком. Не тварью дрожащей, но повелите-
лем природы и хозяином собственной судьбы.

Выход из виртуальной сенсорной депривации³
сообщал об окончании прыжка. Машина межпланет-
ного научно-исследовательского корабля по имени
«Зодиак» вывалилась из гиперпространства в черный
холодный космос в точке прибытия. Пустота прыжка

¹ Мыслью, следовательно, существую (*лат.*). — *Здесь и далее примеч. автора.*

² Область наибольшей остроты зрения на сетчатке глаза человека и высших животных.

³ Депривация — частичное или полное прекращение внешнего воздействия на органы чувств.

еще давала знать о себе слабостью и ноющей болью в каждой мышце человеческого тела, но сознание уже было здесь, в каюте. Начались трудовые будни.

Захар, неловко орудуя конечностями, выбрался из эргокресла. Тело, привыкшее к неге бездействия за время прыжка, протестовало, пытаясь сделать вид, что не знакомо с самим понятием «движение». Перевалившись через край ложемент, Захар приготовился встретиться с полом, но столкновения не произошло — он так и остался плавно парить в центре каюты. Псевдогравитации не было.

Кибертехник Захар Орешкин успел разгерметизировать грудную застежку скафандра. Ее пришлось вернуть в прежнее состояние — аварийная сигнализация молчала, но отсутствие тяготения являлось признаком нездоровья «Зодиака»: вращение диска с жилыми отсеками корабля должно было начаться сразу после выхода из гиперпространства. Захар вздохнул, рефлекторно попытался потянуться, но голова уперлась в гермошлем, отчего затекшие мышцы спины свело болезненной судорогой. Кибертехник, стараясь не обращать внимания на боль, открыл дверь и выбрался из каюты.

В невесомости было непривычно и неудобно. Нетренированное к перемещениям в подобных условиях тело норовило пролететь поворот, а неумелые попытки Захара остановиться в нужном месте приводили лишь к болезненным даже сквозь относительно толстую ткань скафандра ударам о стены. Да и мутило от космической свободы движений изрядно.

В рубке собрались все шестеро членов экипажа «Зодиака». Вернее, Тахир был там изначально — пилоты во время прыжка обязаны находиться на бое-

вом посту. Просто традиция, ничего более. Никакого смысла в том не было — в виртуальность он мог выйти в любой точке корабля, а на ручном управлении, что архаичными джойстиком и кнопками торчало из консоли рядом с эргокреслом пилота, в гиперпространстве далеко не улетишь. Оно вообще бесполезно в гиперпространстве, только человеческий мозг мог каким-то мистическим образом выбирать предлагаемые природой вероятности.

Четверо добравшихся до рубки раньше Захара парили вокруг эргокресла, в котором лежал пилот. Станіслав Грац — корабельный врач и старпом в одном лице — склонился над Тахиром, верхняя часть скафандра которого была снята. Свой скафандр Грац тоже раскрыл на груди и откинул гермошлем. Похоже, опасности разгерметизации действительно не было.

Захар снова разомкнул застежку и попытался вытянуться. В стоящей в рубке тишине было отчетливо слышно, как хрустнули позвонки.

Грац повернул голову к кибертехнику, отвлекшись от голоэкрана пилотского эргокресла. Экран пестрил непонятными графиками и значками.

— Что у нас происходит? — спросил Захар.

Седовласый Грац вернулся к созерцанию графиков на голоэкрane, положив ладонь на грудь распростертому в эргокресле пилоту. Обычно пилот был капитаном, «Зодиак» не являлся исключением.

— Орешкин, отмены нештатной ситуации не было, — тихо сквозь зубы пробурчал Грац.

Недвижимый Тахир, брюзжащий Грац, вся команда в замешательстве — похоже, дела плохи.

Захар вздохнул и уже во второй раз за последние десять минут принялся натягивать гермошлем. Од-

новременно с этим он подключился к виртуальной реальности корабля, которая, почуяв присутствие кибертехника, не замедлила разродиться сонмом графиков и цифр, сообщавших о состоянии киберсистем. Захар не стал присматриваться к плавающей вокруг него информации — если бы было что-то из ряда вон, недоразвитый мозг «Зодиака» давно сообщил бы в принудительном порядке. Смахнув привычным движением назойливые цифры, кибертехник заставил их исчезнуть. Что же все-таки происходит?

Как только вирт-связь включилась, мысли, образы и переживания четырех членов экипажа лавиной хлынули в сознание Захара. Сквозь бурю эмоций настойчиво пробивалось ворчание Граца — он не мог не брюзжать даже в виртуальности.

В общем-то теперь все стало на свои места. Тахир не подавал признаков жизни, поэтому первый помощник по праву принял командование. И по праву отдавал распоряжения насчет скафандра.

«Что с ним?» — спросил Захар, ни к кому конкретно не обращаясь.

«Без сознания», — констатировал очевидное Люциан Лившиц.

Лившиц представлял на корабле Институт внеземной жизни. Внеземелец, похоже, размышлял о чем-то своем, в его виртуальном образе ясно читалось смятение. Лиц за поляризованными стеклами шлемов Захар не видел, но неказистость и скособоченность Лившица отлично проступали даже в облаченной в скафандр фигуре.

От Герти пришло смутное ощущение, будто она пожала плечами, — планетолог ничего не знала. Видимо, как и остальные.

«Всем! Занять! Свои! Места!» — мысленно отдал команду Грац. Он не оборачивался, вообще не отвлекался от своего непонятного занятия, поэтому казалось, что нашпигованную до самого последнего бита раздражением и праведным гневом фразу в виртуальность бросил не он. Удивительный человек, как он умудряется выдавать в виртуальности столько эмоций? Причем, как правило, отрицательных.

Ничего не оставалось, как вернуться в каюту, вновь цепляя в невесомости каждый угол, и лечь обратно в эргокресло. В ожидании Захар занялся просмотром отчета о работе киберсистем корабля — пора бы кибертехнику проверить свое киберхозяйство. Скоро хозяйству предстоит изрядно потрудиться.

Лившиц с Герти о чем-то оживленно спорили по вирт-связи, не озаботившись перевести беседу в приват. Захар не вникал в суть, но бормотание внеземельца внутри головы раздражало — судя по всему, тот был не на шутку напуган. Вот уж чей испуг более чем странен — Лившиц же специалист по нештатным ситуациям, он должен сохранять спокойствие. Но, как оказалось, хладнокровия ему недостает. Кибертехник выключил тараторящую парочку из восприятия.

Фриц Ключштайн, биолог экспедиции, вовсе молчал. Чем он сейчас занимался, Захар не знал — проверять Фрицу до начала штатной программы исследований вроде бы нечего.

Списки, графики и диаграммы цветастым ковром рассыпались по каюте. Все показатели в норме. Дряхленький нейропроцессор «Зодиак» тоже работает как положено. Кстати, а ведь «Зодиак» должен располагать информацией. У него и надо спросить, что здесь, в конце концов, происходит.

Мозг корабля принял запрос, немного подумал, собирая доступные данные со всех узлов, и выдал совершеннейшую околесицу. Из его отчета выходило, что полет в гиперпространстве продолжается.

Захар сначала машинально усмехнулся, потом почувствовал, как холодный пот выступает росинками на лбу и где-то между лопатками. Тонкий комбинезон, что был надет на нем под скафандром, сделался неприятно влажным. В кончиках пальцев закололо, словно по ним стучали маленькие острые иголки.

Искусственный интеллект «Зодиака» неправильно воспринимал свое состояние. Он не мог определить координаты, не мог скорректировать курс. Он ничего не мог. Все функции, связанные с перемещением космического корабля в пространстве, были недоступны.

Еще раз прогнать тест нейропроцессора: количество функционирующих нейронов значительно превышает критический порог, сложность связей на порядок выше нормативного, функции запоминания... ага, совпадение на сто процентов, логические схемы соответствуют, мотиватор мотивирует в пределах дозволенного. Электрические цепи... что у нас с электрическими цепями? Все у нас с ними в порядке, контакты электросинапсов активны на девяносто восемь процентов при критическом уровне восьмидесяти пяти. Нейропроцессор — всем нейропроцессорам нейропроцессор. Что же тогда не укладывается в восприятии картины мира?

Грац затих, не подает признаков жизни. Захар окинул взглядом виртуальную карту корабля — первый помощник на месте, только молчит. А вот Тахира определять мозг «Зодиака» отказывался. Нет больше у корабля капитана.

Сейчас бы выйти и спросить у Станислава, что все это значит. Так ведь пошлет, обязательно пошлет. С него станется.

Строки цифр и маленькие блоки с трехмерными картинками всплывали один за другим перед глазами Захара. На полном автоматизме он запустил прогон стандартных задачек для «Зодиака» — шар с облаками в пространстве, движущийся по заданным параметрам согласно формуле Ньютона — Эйнштейна. Это что? Планета. И длинный список всей физико-химической подноготной виртуального небесного тела. Все правильно, все сходится. Нормально мозг корабля воспринимает реальность. Это, похоже, с реальностью что-то не так.

Для верности Захар запустил прогон тестирования логики нейропроцессора еще раз.

«Оставьте его в покое, Орешкин, — это был Грац. — Лучше вернитесь в рубку».

Приказ нового начальства. В голове промелькнула мысль о неудобстве перемещения в задрасненном скафандре.

«Можете его снять», — пришли по вирт-связи слова Станислава.

Захар расстегнул застежку, откинул гермошлем, не заботясь о его фиксации в положенном креплении, сбросил толстую упругую ткань с плеч и понял, что комбинезон мокрый насквозь. Будто в душе побывал. Предательский холодный пот, вероломная вегетатика¹.

¹ Вегетативная нервная система отвечает за работу внутренних органов, сосудов и желез, в том числе и потовых. Действия вегетативной нервной системы не подконтрольны желанию человека.

Грац сидел, насколько это было возможно в невесомости, на поручне эргокресла Тахира. Его скафандр плавно барражировал в пространстве у пола, тихо шурша складками ткани. Вид у доктора был подавленный, но решительный. Он подпирал рукой невесомую голову, будто пытался удержать ее, чтобы ненароком не унеслась летать по рубке. Его темные, почти черные глаза рассматривали что-то неведомое на покрытом шероховатым — для лучшего сцепления в условиях пониженной гравитации — пластиком полу, губы непрерывно шевелились, однако по вирт-связи от него ничего не поступало.

— Сядьте, — сказал он.

— Но невесомость...

— Тогда хотя бы перестаньте маячить, — махнул рукой Грац. Инерция движения отклонила тело Станислава в сторону, но каким-то чудом он удержался на подлокотнике. — Вы выяснили, что произошло?

— С киберсистемами корабля все в полном порядке, — доложил Захар.

— А с кораблем?

А с кораблем происходило что-то непонятное, и Захар молча пожал плечами.

— Вот и я не пойму, — сказал Грац. — Похоже, мы здесь застряли надолго. Второго пилота у нас нет.

— Тахир... — У Захара не повернулся язык сказать «мерть».

— Нет, — отрицательно мотнул головой Грац, — жив. Только не вышел из транса. Я такое вижу впервые.

— Вы старший помощник, стало быть...

— Не называйте меня старшим помощником, — скривился тот, — я врач, понимаете? Врач! Я не занимался командовать бандой... ученых.

— Но вы же, Станислав, как врач знаете, что делают в таких случаях, — Захар не спрашивал, он констатировал факт. Он, кибертехник, плохо разбирался в физиологии пилотажного транса, но Грац-то должен знать, что не так с пилотом.

— Нет. — Он поднял взгляд на кибертехника. Тяжелый взгляд. В глазах читались спокойствие и обреченность. Он действительно не знал. — Такого никогда не случалось прежде. Пилот, впадая в транс, ведет корабль в гиперпространстве, его мозг сливается с нейропроцессором корабля и гиперприводом в одно целое, они неразделимы в этот момент. А сейчас гиперпривод отключен, мозг «Зодиака» функционирует в автономном режиме — вы все проверили. Почему тогда Тахир...

— Корабль считает, что мы по-прежнему в гиперпространстве, — вставил Захар.

Грац задумался на мгновение.

— Но ведь мы в обычном космосе. Вы чувствуете?

— Да, обычные ощущения. Только невесомости не должно быть.

— Наверное, это из-за того, что он не видит Тахира. В памяти «Зодиака» нет данных о прекращении пилотажного симбиоза.

— Давайте откроем окна и посмотрим, — донесся голос из дверей рубки. Это был Ключштайн. Гермошлема на нем не было. Он успел совсем снять скафандр и переодеться в обычную одежду.

— Давайте, — согласился Грац.

В рубке появились Лившиц и Гертруда. Внеземеlec в черных брюках и черной же, застегнутой на все пуговицы, рубашке; планетолог — во вздувшихся в невесомости широких бесформенных штанах, сдо-

бренных множеством карманов и пряжек, и в столь же расхристанной майке.

Захар обратил внимание, что Лившиц нервно мнет штанину дрожащими пальцами.

— Не переживайте вы так, Люциан, — сказал Клюгштайн, приобняв вездехода за плечи. — В конце концов, «Зодиак» исправен. Нужно лишь немного подождать — нас обязательно найдут.

Исследовательские корабли, отправлявшиеся в плановые экспедиции, никогда не комплектовались двумя пилотами — слишком дорогое удовольствие. Сколько ни бились ученые, выяснить, в чем заключается отличие мозга человека, способного вести корабль сквозь гиперпространство, от мозга обычного *homo sapiens*, не удалось. Ничем он не отличался. Но факт оставался фактом — около одной тысячной процента людей могли управлять космическими судами на пути к далеким звездам. Остальные даже не представляли, как это можно сделать.

Попасть в гиперпространство мог любой корабль, снабженный гиперприводом. Одна проблема — без пилота он вываливался в реальный мир в абсолютно непредсказуемой точке.

В случае, подобном нынешнему, на помощь не вернувшемуся в срок кораблю отправляли спасательную бригаду. На то она и плановая экспедиция, что координаты известны и все исследования проводятся по заранее отработанной инструкции.

Однажды Захару уже приходилось ждать спасения — тогда из-за программного сбоя в работе двигателей посадка прошла слишком жестко и повредила гиперпривод. Подмоги ждать пришлось всего

несколько недель. Сейчас дело обстояло хуже: «Зодиак» — большой корабль, и план исследований рассчитан на полгода. Плюс стандартное время ожидания и неизбежные задержки. Итого...

— Помощи раньше чем через восемь месяцев ждать не приходится, — озвучил мысли кибертехника Грац.

Врач активировал ручное управление, разблокировал пульт и дернул рычажок выключателя приводов экранов-иллюминаторов, опущенных во время полета в гиперпространстве.

Тихо, на самом пороге слышимости, зажужжали моторы. И..

Не изменилось ничего. Черная непроглядная тьма наполняла три панорамных иллюминатора рубки. Неизбежный желто-голубой шарик планеты, к которой они летели, на положенном месте отсутствовал. Не было видно даже звезд.

— Сломались приводы ставень? — с заранее умершей надеждой в голосе спросил Лившиц.

Грац покачал головой, отрицая возможность поломки. Клюгштайн переместился по периметру иллюминатора, пытаясь высмотреть что-либо в непроницаемой черноте космоса. Он смешно складывал ладони лодочкой, стараясь загородиться от света в рубке, и прижимался лицом к стеклу.

— Нет ничего, — гнусаво сказал он, не отрывая носа от стекла.

— Этого следовало ожидать, — мрачно произнес Грац, — мы не вышли в расчетную точку.

В этот раз дела обстояли хуже. Намного хуже. Осознание того, что спасения не будет, будто свалилось откуда-то сверху, придавив мозг к внутренно-